

щью определения выраженного глаголом, а не просто существительным. Это говорит о возникавших трудностях в процессе перевода.

Форма настоящего времени глагола представлена в «Лексиконе» суффиксом *masu*, прошедшего времени *-mashita*, отрицательная форма – суффикс меняется на *masen*.

Своеобразно представлена повелительная форма глаголов: к первой основе глаголов первого спряжения прибавляется суффикс *shiyare*, а к первой основе глаголов второго и третьего спряжений – суффикс *sashiyare: arawashare* «*вымой*».

Форма запрещения образуется присоединением *na* к суффиксу *sharu*, как в литературном языке: *yomasusharina* «*не читай*».

Вместо глагольной связки *desu*, в «Лексиконе» употреблена архаичная связка *degozarimasu*, оставшаяся от Сэндайского говора Тохокского диалекта: *notoitokosaru* «*горло болит*».

Падеж направления оформляется суффиксом *sa* вместо *e*. Этот же суффикс оформляет дательный падеж места: *киканайде догосадемо гймашень* «*без позволения никуда не уходят*» (л. 46, перевод дан только в транскрипции) [Петрова, 1962, с. 3–26].

Наконец, «Лексикон» интересен в лексическом отношении наличием древних, вышедших из употребления слов.

В современной лексике в Тохокских диалектах многих названий не сохранилось, но они остались зафиксированным в «Лексиконе» XVIII в.

Интересным является тот факт, что в «Лексикон» вошло некоторое количество слов айнов. Как русские, так и японские моряки северо-

УДК 801.1

ББК 16.21.39

ро-восточных районов Хонсю часто контактировали с айнским населением, что и привело к появлению в их словарном запасе таких слов, как: *ножик – магири (makiri)*, *корыто – кичу (kitsu)*, *ковишк – фиягу (hiyaku)* и ряд других.

В русской лексике словаря отражены характерные особенности говоров Сибири. Этим объясняется присутствие в «Лексиконе» жаргонного словоупотребления. В словаре много сибирских диалектизмов, которых, конечно, не было бы, если бы словарь составлялся в Петербурге или Москве:

«беглой (сбежавший с каторжные работ), зверует (занимается охотой на пушного зверя), запан (передник), заплот (забор), лопать (одежда), лапасть (ступня), морошно (псамурно), доскань (табакерка), синея (мель), тамарь (стрела с костяным наконечником), цыганить (смешить), черепан (горшечник) и др.» [Лексикон, 1962, с. 25].

Более подробно об особенностях фонетического и грамматического строя японского языка XVIII в., комментирующих явление «Лексикона», рассказывается в работах Е.Д. Поливанова «Категория согласных в японском языке», а также Татибана Сеити и Тодзио Мисао «Отечественная диалектология».

Библиографический список

1. «Лексикон» русско-японский Андрея Татарина [Текст] / под ред. О.П. Петровой. – М. : Изд-во Вост. лит., 1962. – 133 с.
2. Мураяма, Ситиро. Херюмин но гэнго (Язык мореплавателей) [Текст] / Мураяма Ситиро. – Токио, 1965. – 453 с.
3. Петрова О.П. Введение к «Лексикону» русско-японскому Андрея Татарина [Текст] / О.П. Петрова // «Лексикон» русско-японский Андрея Татарина. – М. : Изд-во Вост. лит., 1962. – С. 3–26.

И.В. Шаравьева

МОНАДНО-МОДУСНЫЙ ПОДХОД КАК СПОСОБ РАССМОТРЕНИЯ КИТАЙСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ЗНАКОВ

В статье рассматривается возможность рассмотрения китайских знаков с точки зрения монадно-модусного подхода. В отношении монада-модус модус определяется как эволюция и способ исчисления минимальных значимых компонентов – монад. Применение грамматологического подхода позволяет выявить деривационные цепочки монад с высокой валентностью. Монады представляют собой определенное число единиц, количество же модусов неограниченно и может содержать различные коннотации.

Ключевые слова: монада; модус; монадно-модусный подход; минимальные семантические компоненты; грамматология; деривационные цепочки; морфограмма; логограмма

I.V. Sharavieva

MONAD-MODUS APPROACH AS A METHOD OF LINGUISTIC RESEARCH OF CHINESE CHARACTERS

This article suggests an optional view of the Chinese language signs in the context of monad-modus approach. In the latter context, modus is defined as evolution and way of calculating monads which are regarded as the smallest semantic components. Following an application of the grammatologic approach, I identify monads' high valence derivational chains. Monads feature definite number of items, whereas the number of modus is unlimited and can involve different connotations.

Key words: *monad; modus; monad-modus approach; minimal semantic components; grammatology; derivational chains; morphogramm; logogram*

В современной лингвистике к особой задаче семантики принято относить описание элементарных компонентов, порождающих все значения языка. Исследования неделимых компонентов предполагают выделение «первичных» суждений, которые формируют множество других выражений языка.

Так, например, А. Вежицкая выделяет определенный набор семантических примитивов, представляющих собой универсальные фундаментальные элементы, лексикализованные в языке. Такие когнитивные элементы формируют единый семантический метаязык – ЕСМ, универсальный для всех, с точки зрения теории автора, языков мира и отражающий единые ментальные процессы носителя любого языка. Семантические примитивы у Вежицкой, являясь «поименованными человеческими концептами, т. е. единицами концептуального представления мира» [Вежицкая, 2011, с. 8], в языке представлены лексемами, абстрактными единицами морфологического анализа.

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что такой подход оправдан применительно к языкам с фонетическим письмом, где любые значения можно подвергать верификации, проводя семантический анализ слов-лексем, а звуковая оболочка слова играет первостепенную роль. В китайском же языке, как и во всех языках с идеографической письменностью, простейшие минимальные компоненты и их эволюция могут быть рассмотрены, на наш взгляд, в рамках *монадно-модусного подхода*.

В китайском языке, помимо морфограмм, представляется возможным выделить еще более минимальные значимые компоненты знаков, образующие деривационные цепочки и принимающие участие в строении сложных логограмм, порождая огромное количество других знаков – *монады*.

Монады, как и морфограммы, являются значимыми единицами и формируют более сложные элементы языка, однако если некоторые ключи предполагают сведение их к еще более минимальным единицам (такие, как, например, 玉 *yu*, 鬼 *gui* и др.), то монады уже представляют собой недискретный компонент, в связи с чем попытки определения монад в китайском языке могут опираться на корпус знаков, представленных списками «ключей», выделяя в них минимальные компоненты (часть таких монад может одновременно являться и «ключами»). К ним относятся такие знаки, как, например, — горизонт, | поток, 亻 человек, 鸟 птица и др.

Понятие «монада», понимаемое в ряде философских учений как структурная неразложимая далее единица бытия, применительно к китайскому языку, может быть рассмотрено в качестве *когнитивной монады*, т. е. неделимой единицы, форма которой уже включает в себе процесс ее формирования, и которая, с точки зрения Лейбница, «отражает всю вселенную» [Лейбниц, 1982, с. 8]

Такие монады – абсолютно семиотического свойства и формируют все мировидение китайцев, они не представлены отдельно как данность, они скрыты в структуре иероглифа и представляют собой лишь минимальные составляющие более сложных по своей структуре иероглифических знаков.

Нельзя не согласиться с В.Б. Касевичем в том: «если полагать, что семантические (когнитивные примитивы) носят врожденный характер, то они, конечно, универсальны по определению. Но когда, под влиянием данного языкового окружения, примитивы входят в те или иные конфигурации, они подвергаются определенной модификации» [Касевич. Режим доступа : <http://files.zipsites.ru/books/audio/Education/Lingvistika/spr0000040.pdf>].

Такие модификации монад, или примитивов, в китайском языке представлены, на наш взгляд, *модусами* (лат. *modus* – мера, образ, способ). Истоки понимания модусов можно обнаружить еще у философов эпохи рационализма, когда мышление признается главным свойством духовной субстанции. Здесь понятие «модус» освещается в рамках картезианства: «Под именем модусов я разумею здесь то же самое, что в других местах именовал атрибутами и качествами. Но когда мы видим, что *они воздействуют на субстанцию или вносят в нее различные оттенки, мы именуем их модусами* [Декарт, 1989, с. 68].

Если Декарт признает способность модусов влиять на субстанцию, изменяя ее тем или иным образом, то Дж. Локк, говоря о модусах, обращается, прежде всего, к *идеям*, которые, по мнению ученого, являются основным материалом знания человека. Простые идеи, «которые ум или находит существующими в вещах, или в состоянии образовать внутри себя без какой-либо помощи внешнего объекта, без всякого чужого влияния» он и называет *простыми модусами*. Любые же модификации простых идей, образующие повторения уже существующих, но различных идей – это простые модусы дюжины [Локк, 1988, с. 68].

Ученый описывает модусы пространства, модусы протяженности, мышления, и, даже удовольствия и страдания, отмечая, что все это – простые идеи пространства, протяженности, мышления, удовольствия и страдания.

По-видимому, Дж. Локк сводит декартовский «модус» к простому зарождению идей, которые ум познает, основываясь на единичных восприятиях человека. Если у Декарта «модус», прежде всего, является модификацией какой-либо субстанции, то для Локка простые модусы сводятся к простым идеям и их модификациям.

Г.В. Лейбниц пытается показать реальное многообразие модусов, «чтобы бесконечное многообразие действительности объяснить из содержания самой ее субстанциональной основы — единой, но в то же время многообразной» [Нарский, 1972, с. 28]. Многообразие мира, значит, и модусов, является проявлением структуры сущности этого мира. Для него субстанция состоит из простых монад, которые излучаются и поглощаются Богом.

Основываясь на воззрениях рационали-

стов, можно предположить, что модусы в китайском языке представляют собой модификации, или эволюцию монад, и являются лишь способами их исчисления. Простые идеи содержатся в самих монадах, они формируют более сложные знаки.

Отношение *субстанция – модус* (субстанция мыслима без модуса, модус – нет) у философов в определенной степени сходно отношению монада – модус для знаков китайского языка (монада может существовать без модуса, как, например, монада с абсолютно нулевой валентностью, а модус является только эволюцией монады; модус же порожден монадой и восходит к ней) применительно к языкам с идеографической письменностью.

Понятие «модус» в истории европейского языкознания впервые было определено на основе грамматического строя языка модистами. Для них модусы представлены не в виде тех или иных модификаций, а в качестве центра, к которому сводится все положения теории.

С точки зрения модистов в языке существуют первоначала, которые по сути своей доказать невозможно. К таким исходным первоначалам модисты относят *modi significandi* (букв. «способы обозначения»), или *модусы*. Все первоначала образуют теорию, в центре которой – модусы, и все грамматические структуры определяются только по отношению к этому центру [Перельмутер, 1991, с. 43].

Модисты различают модусы *существования*, модусы *познания* и модусы *обозначения*. Первые представляют собой свойства вещи или предмета, рассматриваемые отдельно от его связей и зависимостей, эти свойства существуют в самих вещах вне сознания человека.

Модусы познания – это также свойства, рассматриваемые однако в их отношении к познанию. Что же касается способов обозначения, то они становятся предметом рассмотрения в отношении к языку, поэтому основное внимание модисты уделяли именно *модусам обозначения*, изучая, прежде всего, грамматические значения. При этом модисты указывали на существования модусов в реальной действительности: «Подобно тому как соотносятся вещь внешняя, вещь познанная и вещь обозначенная, точно так же соотносятся модусы существования, модусы познания и модусы обозначения. Но вещь внешняя, вещь

познанная и вещь обозначенная суть одна и та же вещь, поэтому и модусы существования, модусы познания и модусы обозначения по существу суть одно и то же, хотя они и различаются между собой побочными признаками. Модус обозначения существует в обозначенной вещи как в субъекте, в звучании же как в знаке..., в сознании же... как познанное в познающем (*cognitum in cognoscente*), модусы познания существуют в познанной вещи как в субъекте» [Алпатов, 2001, с. 69]

Несмотря на то, что уже в XVI в. модисты были забыты, их теория расширила понятие «модус», господствующее в философии, дополнив его своими онтологическими, гносеологическими и лингвистическими характеристиками.

В дальнейшем понятие «модус» лишь occasionally являлось предметом исследования лингвистов для анализа фактов языка. Тем не менее, монадно-модусная система, на наш взгляд, наиболее полно отражает принцип порождения одними знаками более сложных в языках с идеографической письменностью.

При выделении монад и их деривационных цепочек огромную роль играет грамматологический подход. Именно применение грамматологического подхода к анализу знаков китайского языка дает возможность установить, хотя и только в некоторой степени, процесс формирования неких идей, языка мысли, закрепление за знаком тех или иных семантических компонентов. Он становится тем звеном, без которого представляется невозможным проследить отношение означающего и означаемого в китайском языке.

Обращение к этимологии знака определяет его деривацию. Существуют монады с высокой и очень высокой валентностью (такие монады образуют деривационные цепочки), а также монады с нулевой, или почти нулевой валентностью. Такие монады не образуют деривации, порождая более сложные знаки, и остаются в первоначальном виде, тем не менее, активно участвуя в построении сложных логограмм. К ним относятся, например, все знаки, изображающие животных: такие, как 马 *ma* – лошадь, 兔 *tu* – заяц, 鹿 *lu* – олень, 虎 *hu* – тигр и др.

В отличие от принятого у модистов положения о том, что модусы есть некие первоначала, рассмотрение китайских знаков с точки

зрения монадно-модусной системы позволяет говорить о том, что модусы не представляют собой исходных первоначальных элементов. Такие первоначала неизменно требуют простых, далее неделимых знаков, что соответствует монаде как значимой простой единице. Модусы же являются «способом обозначения», эволюцией и деривативной монады.

Модусы образуются не с помощью простого добавления к другому знаку (как, например, в случае с морфограммой 𠂇*ma*-лошадь, когда знак определяет дальнейшее отнесение сложного иероглифа к определенному классу), а путем некой трансформации. Анализ этой трансформации позволяет исчислить исходную монаду модуса.

В качестве примера монады и ее модусов рассмотрим знак «трава». Монада 艹 *che* (трава) является минимальным неделимым компонентом, изначально передающим изображение ростка, выросшего из земли. Данный знак относится к изобразительной категории, отражая непосредственную связь с денотатом. Такая монада в китайском языке не является логограммой, но эволюционирует и образует деривативную цепочку, представленную модусами.

Одним из модусов знака «трава» является знак 艹艹. Как видно, данный модус образуется путем сложения двух идентичных знаков. Одна из его основных характеристик – коммутативность, при этом семантика суммированных знаков остается прежней. Такаяпликация усиливает предметность означаемого, еще более утверждая его существование. Представляется возможным назвать этот модус *modus conjunctio* – модусом соединения.

Второй модус – знак 木 *mu* – (дерево) Знак показывает расширение семантики, эволюцию травинки, ее рост до состояния дерева. В данном модусе происходит изменение денотата, однако источник этого изменения также восходит к монаде «трава». Денотат данного знака-модуса имеет сходные с денотатом первоначального знака свойства и атрибуты, однако обладает и некоторыми другими характеристиками. Модус можно определить как *modus reformatio* – модус преобразования.

Модус 生 *sheng* (расти, рождаться) отражает иной ракурс монады «трава», указывает на действие, присущее монаде (расти – онтологическая характеристика травы и т. п.). В со-

ответствии с этим модус 生 sheng может иметь название *modus actus* – модус действия.

Таким образом, неограниченное количество модусов сводимо к ограниченному числу монад. Представляется возможным определить и описать модусы для всех когнитивных монад, образующих деривацию. Тем не менее, верификация таких монад и выявления их деривационных цепочек требует дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Алпатов, В.М. История лингвистических учений [Текст] : учеб. пособие / В.М. Алпатов. – 3-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2001. – 367 с.
2. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и

базисные концепты [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 568 с.

3. Декарт, Р. Сочинения [Текст] : в 2-х т. / Р. Декарт. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.

4. Касевич, В.Б. Язык и культура [Электронный ресурс] / В.Б. Касевич. – Режим доступа : <http://files.zip-sites.ru/books/audio/Education/Lingvistika/spr0000040.pdf> (дата обращения : 20.08.2012).

5. Лейбниц, Г.В. Сочинения [Текст] : в 4-х т. / Г.В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982. – Т.1. – 636 с.

6. Локк, Д. Сочинения [Текст] : в 3-х т. / Д. Локк. – М. : Мысль, 1988. – Т. 2 – 560 с.

7. Нарский, И.С. Готфрид Лейбниц [Текст] / И.С. Нарский. – М. : Мысль, 1972. – 240 с.

8. Перельмутер, И.А. Грамматическое учение модистов [Текст] / И.А. Перельмутер // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – М. : 1991. – С. 7–66.

УДК 801.1

ББК 16.21.39

Т.Е. Шишмарева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КАНОНОВЕДЕНИЯ В КИТАЕ

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с формированием и эволюцией понятия «канон» (经), «каноноведение» (经学) с точки зрения китайской традиционной культуры. С целью выделения основных параметров понятия «канон» анализируется китайская филологическая традиция, начиная с династии Чжоу (周, I тыс. до н. э.) и заканчивая династией Сун (宋, 960–1279). Анализ научной литературы позволил выделить шесть основных этапов в формировании понятия «канон», в связи с чем, в статье предлагается шесть трактовок понятия «канон».

Ключевые слова: канон; каноноведение; конфуцианство; комментарий, книги-шу

Т.Е. Shishmareva

SOME ASPECTS OF CANONICAL STUDIES IN CHINA

The article deals with formation and evolution of the concepts of «canon» and «canonical studies» from the point of view of traditional Chinese culture. The article points out the basic parameters of the concept of «canon» within the framework of Chinese philological tradition covering the time span from Zhou dynasty (1st millennium BC) through Sung dynasty (960–1279). The analysis of scientific literature made it possible to define six main periods in the formation of the concept of «canon». Hence, the article offers six interpretations of the concept under consideration.

Key words: canon; canonical studies; Confucianism; comments; «shu»-books

В истории любой цивилизации существуют источники, в которых раскрываются, ценностные духовные, религиозные, философские, идеологические установки той или иной культуры. В западной традиции – «Библия», в арабской культуре – «Коран», в китайской традиции к таковым относится «тринадцатиканоние». Если для европейской и арабской традиции характерна «теизирующая онтологизация моральных ценностей и норм» [Коб-

зев, 2006, с. 126], то в китайской традиции в качестве духовной основы выступали философские установки, что, на наш взгляд, отличает ее от других крупнейших цивилизаций, основанных на религии.

В традиционной китайской культуре этика неотделима от синкретического комплекса норм и ценностей этикета, ритуала, обрядов, обычаев. Согласно Г. Роземонту (1976), китайские мыслители разрабатывали отсутство-